

С участием Николая Гедды

Несколько лет назад у нас появилась пластинка с записями романсов П. Чайковского в исполнении Николая Гедды. Помню сильнейшее впечатление от романса «Средь шумного бала»: Гедда пел его намного медленнее привычного, и это создавало какой-то особый, невесомый и завораживающий колорит, созвучный настроению текста и музыки. Слушая эту запись, невольно приходилось признаваться себе в ее каком-то почти гипнотическом воздействии. Это ощущение было настолько интенсивным, что все профессиональные оценочные моменты отходили на второй план. Лишь некоторое время спустя можно было говорить о вещах, обычных в таких случаях: о красоте и силе голоса, о вокальной технике, о совершенстве дикции. Все это становилось лишь слагаемыми целого, не приобретая самостоятельного значения (как это бывает у певцов).

Гедда — прекрасный вокалист, в совершенстве владеющий певческим «аппаратом», постоянно находящийся в отличной форме. Но в то же самое время Гедда не только вокалист, ему чужда всякая «певческая» узость. Гедда — прежде всего и более всего музыкант с удивительно широким общекультурным кругозором. Это человек, знающий и понимающий художественную культуру самых разных эпох, это музыкант, которому в равной степени присуща и актерская яркость на оперной сцене, и утонченная камерность на эстраде концертного зала. Одним словом, Николай Гедда — музыкант в самом высшем смысле этого слова.

Репертуар певца огромен: это «Страсти» Баха и романсы Рахманинова, это Герман в «Шиковой даме» и Бенвенуто Челлини в опере Г. Берлиоза, это многочисленные роли певца, исполненные им на крупнейших сценах мира, и его разнообразные концертные программы. Но, пожалуй, наибольший интерес вызывает интерпретация Геддой русской музыки, которую певец прекрасно чувствует и понимает: Гедда родился и живет в Стокгольме, но по происхождению он русский.

Не будет преувеличением сказать, что спектакль «Евгений Онегин» с участием Гедды заста-

вил нас совершенно заново ощутить свежесть и глубину музыки Чайковского, увидеть и услышать настоящего Ленского — благородного, страстного, упоенно-жизненно. Ленский Гедды — это одновременно и Ленский Пушкина — Чайковского, а не просто некий «образ» Ленского, создаваемый современным вокалистом. В манере пения и поведения Гедды чувствуется не только личная позиция певца, но целая эпоха, характерный аромат России прошлого столетия, словно воссоздаваемый артистом на сцене. Нет нужды перечислять отдельные моменты интерпретации Гедды — хотя здесь были и подлинно вдохновенные находки (вспомним, с каким отчаянием спел Гедда последнюю фразу в четвертой картине, буквально выкрикнув последнее слово «Прощай — на век!»). Каждая фраза, каждый изгиб мелодии были пропущены певцом как бы сквозь призму глубокого личного переживания; пение Гедды было настолько выразительным, открывающим новые стороны не только музыкального, но и литературного текста, что иногда казалось: пе-

вец чувствует язык лучше многих его русских коллег. Во всяком случае, Ленский Гедды — это действительно поэт, равнодушный к каждому слову.

Незабываемо прозвучали Ариозо в первой картине и Ария — в пятой. Остался в памяти прекрасно спетый вместе с Ю. Мазурком канон «Враги» в сцене дуэли.

22 марта состоялся концерт Николая Гедды в Большом зале Консерватории, 23 марта в Большом театре была организована встреча с певцом, где он много рассказывал о себе и ответил на вопросы. А на следующий день мы вновь встретились с Геддой — на сей раз у экранов телевизора: был показан фильм-спектакль Гамбургской оперы «Волшебная флейта», где Гедда исполнил партию Тамино. Слушая «Волшебную флейту» и вспоминая совсем недавнего «Евгения Онегина», приходилось лишь удивляться универсализму замечательного певца, восхищаться его уникальным мастерством.

А. ИВАШКИН,
кандидат искусствоведения,
артист оркестра.

Ю. Мазурок (справа) и Н. Гедда за кулисами перед выходом на сцену.

Роб. арт. 1980. 11 апр.